

Квинт В. Л.

Поиск и исследование философских корней теории стратегии. Взаимосвязь философского и стратегического мышления

Квинт Владимир Львович

Иностраннный член РАН, доктор экономических наук, профессор. Заведующий кафедрой стратегии, территориального развития и качества жизни Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), заведующий кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, член Бреттон-Вудского комитета и Всемирной академии искусств и науки
strateg@sziu.ru

РЕФЕРАТ

В статье показаны фундаментальные философские основы теории стратегирования. На основе анализа характерных особенностей философского и стратегического мышления обоснована их глубокая сущностная взаимосвязь, порождающая феномен стратегического самосознания. Доказана возможность, необходимость и пути формирования стратегического мышления с целью повышения эффективности управления, разработки оптимальных тактик и практических действий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

стратегия, стратегирование, стратегический приоритет, стратегическое мышление, стратегическое самосознание, философское мышление, тактика

Kvint V. L.

Search and Investigation of Philosophical Base of the Theory of Strategy. Interrelation of Philosophical and Strategic Thinking

Kvint Vladimir Lvovich

Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Science (Economics), Professor. Head of the Chair of Strategy, Territorial Development and Quality of Life at North-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Head of the Financial Strategy Department at the Moscow School of Economics of Lomonosov Moscow State University. Member of the Bretton Woods Committee and the World Academy of Art and Science
strateg@sziu.ru

ABSTRACT

Fundamental philosophical bases of the theory of a strategizing are shown in the article. Based on the analysis of characteristics of philosophical and strategic thinking their deep intrinsic interrelation generating a phenomenon of strategic consciousness is proved. Opportunity, necessity and ways of formation of strategic thinking for the purpose of increase of management efficiency, development of optimum tactics and practical actions is proved.

KEYWORDS

strategy, strategizing, strategic priority, strategic thinking, strategic consciousness, philosophical thinking, tactics

Важность истинно стратегического мышления и самой стратегии часто пренебрегается или игнорируется в современном мире. Хотя фактически стратегическое мышление использовалось сотни, а то и тысячи лет в военных и государственных центрах власти, знание и конкретное понимание феномена стратегии не существовало. Вот почему глубокие исследования генеалогии стратегии имеют принципиальное теоретическое и практическое значение. Удивительно, но мощь стратегии до сих пор остается недооцененной, неверно используется или неверно понимается большинством лидеров важнейших корпораций, правительственных и ведомственных структур власти. Даже разработка успешной навигации через мифы персональной жизни требует воспитания стратегического склада ума и знания правил построения сценариев и реализации стратегий. И именно в этой связи следует понимать мое аргументирование и утверждение, что важнейшим аспектом стратегического мышления и практики стратегирования можно и следует обучать. Поэтому лейтмотивом моего многолетнего исследования являются не только разработка теории стратегии и выявление ее философских корней и исторического прошлого, но также и выработка важнейших стратегических рекомендаций для организаций и их лидеров с целью изначального использования в процессах принятия корпоративных, государственных и военных краеугольных решений. Практические рекомендации, сделанные на основе этих исследований, особенно полезны для сохранения достигнутых успехов, преодоления трудностей и продвижения к новым приоритетам в сложном глобальном конкурентном мире и рыночном пространстве. Впечатляющие поражения в различных сферах человеческой активности могут быть связаны с преимущественным вниманием к тактическим, оперативным или рутинным решениям вместо фокусирования на выработке стратегических приоритетов, и выборе векторов, ведущих к долгосрочному успеху.

Начиная с работ столь ранних стратегов (даже не знавших, что они таковыми являются), как римский лидер и автор Фронтин (Froitus) и византийский император Маврикий (Maurice), теория стратегии спорадически развивалась свыше двух тысяч лет. Тем не менее, стратегия как наука до сих пор в значительной степени находится в процессе формулирования. Систематизация основных блоков работ классиков Античного мира, Нового времени и работ современников — это и есть создание фундамента теории стратегии и практики стратегирования. Теоретики стратегии, ее практики и лидеры должны серьезно изучать, анализировать и глубоко понимать различные категории стратегического мышления и на этой основе их практическое видение будет совершенствоваться в сложных процессах разработки и реализации стратегий. В своей новой книге («Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications» (2016). New York, London: Routledge, 547 p.) я предпринял попытку инкорпорации важнейших разработок античных философских, классических и аналитических военных работ в современный процесс принятия решений в сфере лидерства [2]. Теория стратегии как любая теория должна изучаться от ее первоначальных истоков. Современные и грядущие лидеры могут многое подчерпнуть в античных работах, написанных в процессе рождения теории стратегии, — начиная с систематического изучения генезиса стратегии Древнего мира и вплоть до наших дней.

Несмотря на существование принципиальных различий между философским и стратегическим мышлением, эти феномены, взятые вместе, интегрированные, формируют взаимодополненное единое целое — мыслительный процесс стратегирования. Мои исследования этих процессов и отражающие их категорий находились и находятся под большим влиянием работ Аристотеля, Спинозы и других метафизиков, а также философского идеализма Гегеля и произведений античного философа Фило-

на Александрийского. Поиск истоков стратегии в пределах этих и некоторых других философских традиций, их преломление через свой сорокалетний опыт разработки и внедрения стратегий — стратегирования привело меня к выводу, что стратегический путь мышления ведет к формированию законченного и неделимого стратегического самосознания, в значительной степени согласованного с философским мировоззрением.

Стратеги ориентированы на целостное и взаимосвязанное мировосприятие. Вэтом смысле оба — глубокое понимание виденья и оценка окружающей среды и фактов — объединяют философов и стратегов. Тем не менее, философы более озабочены правдивыми заключениями, которые, что очень важно, подкрепляются проверенными фактами, и в этом смысле они в некоторой степени отличаются от стратегов, которые более озабочены еще неизвестными реалиями будущего, чем текущими процессами. Для стратегов факты не могут быть игнорированы, но они менее важны, чем для философов. Конечно, правильное понимание событий через призму стратегического мышления может, в широком смысле, помочь оценке выбранных стратегических перспектив и сценариев. Стратеги могут игнорировать текущие факты, поскольку их внимание должно быть направлено в будущее, где текущие факты и события могут быть забыты, признаны незначимыми или иметь меньшее влияние на будущую «реальность», чем казалось ранее. Деятельность стратега направлена на создание новых стратегических перспектив, приоритетов и сценариев, в условиях, когда «настоящее» не существует, а будущие факты остаются неизвестными, даже для стратегов, обладающих долгосрочным видением. К моменту разработки стратегии большинство будущих фактов остаются неизвестными; именно поэтому стратеги и философы отличаются тем, как они анализируют и делают выводы на основе этих фактов, а также тем, каким образом эти факты инкорпорируются в результаты их работы. Факты, которые всегда относятся к прошлому, необходимы стратегам для анализа и, что не обязательно, для включения в какой-либо формальный стратегический сценарий.

Стратегическое и философское мышление также произрастает из различных традиций и школ, различного уровня зрелости. Нет науки столь же зрелой, как философия. Стратегия, как теоретическая концепция, в отличие от большинства других наук, находится на начальных этапах своего развития. Философские идеи, обычно, являющиеся результатом абстрагирования и включают в себя незначительное количество практических примеров, за исключением онтологической школы, которая значительно ближе к стратегии, чем любая другая философская школа. Изначальное наблюдение Платона (428–347) о несовершенстве мира является, по сути своей, онтологическим, что, для меня, является утверждением о его интерпретации фактов. В отличие от большинства философских школ, стратегическая мысль заключена в конкретных примерах, направленных на подтверждение стратегической точности. Наполеон (1769–1821 гг. н. э.) утверждал:

«Тактику, инженерную науку и артиллерию можно изучить по трактатам так же, как геометрию; но знание высот стратегической науки можно постичь только через опыт и изучение истории войн и сражений и великих вождей. Может ли грамматика научить нас сочинять песни Илиады или трагедии Корнеля? Эти уроки служат для объединения Ваших сил, чтобы не оставлять слабые стороны незащищенными, быстро захватывать контроль над важными точками; репутацией Вашей мощи сеять ужас, что ведет к верности и уверенности Ваши собственные силы» [3]¹.

¹ Конкретно в данной цитате Наполеон не использовал термин «стратегия», но применил термин «la grande tactic», сделав различие между тактикой и большой тактикой. Однако переводчик D'Aguilar и здесь допустил излишнюю «свободу», переведя этот термин Наполеона как «наука стратегии». Но мне все-таки такой перевод представляется допустимым.

В этой цитате Наполеон рекомендует полководцам делать заключения не только на основе теории, но и используя свой стратегический опыт, а также стратегический опыт кампаний других полководцев. В отличие от Наполеона, философы, в основном, уделяют меньше внимания практике, зачастую осознанно предпочитая теоретические размышления практическому применению своих идей. Конфуций (551–479 гг. до н. э.) писал:

«Тремя методами мы познаем мудрость: во-первых, рефлексией, что наиболее благородно, во-вторых, подражанием, что наиболее просто, в-третьих, опытом, что наиболее тяжело» [4, р. 87].

На первый взгляд, эти два величайших мыслителя — Наполеон и Конфуций — прямо противоречат друг другу. В то время как один обращается к мудрости, а другой — к стратегии, их мысли устремлены к одному и тому же феномену. Обдумывая их работы, можно прийти к нестрогому интегрированному определению стратегии:

Стратегия — это мудрость, умноженная на точно выбранный вектор атаки с оценкой ресурсной ограниченности.

С этой точки зрения, образ мышления (и категоризации) стратега ближе к онтологическому образу мышления, изучающему фундаментальные закономерности и принципы реальности, как экономические, так и социальные. В стратегии, как науке, в отличие от философии, к настоящему времени сформировано значительно меньше правил и категорий, классификаций терминов, теорий, методов и методологии. Мой опыт изучения стратегии и философии приводит к выводу, что такие основополагающие категории онтологии, как пространство и время, являются господствующими и в теории, и в практике стратегии. С этой точки зрения, философские корни стратегии могут быть обнаружены еще в работах Платона (и его идеях, унаследованных, во многом, по-видимому, от Сократа), Аристотеля, Парменида и, позднее, Декарта, Спинозы, Хайдеггера и других метафизиков, развивающих теории рационализма, эмпиризма и органицизма. Корни всех этих теорий происходят из онтологии.

Представляется, что еще более теоретически интересным и практически значимым является анализ мыслей великих философов и стратегов, живших в близкие исторические периоды и в соседствующих районах, странах или частях света. Некоторыми из наиболее ранних письменных источников подобного рода являются работы искусного стратега-первопроходца Сунь-Цзы (544–496 гг. до н. э.) и философа Конфуция, живших в V–IV веке до нашей эры. Естественно, существуют лингвистические опасности анализа работ более чем 2,5-тысячелетней давности, написанных на древних языках. Также усложняет эти исследования и проблема аутентичности и оригинальности текста. Работы Сунь-Цзы были составлены и переписаны Сыма Цянем (145–86 гг. до н. э.), также известным как Великий Историк, спустя примерно 400 лет после жизни самого автора. Качество перевода древних трудов варьируется в зависимости от квалификации и таланта автора перевода. Например, в книге Сунь-Цзы «Искусство войны» («The Art of War»), Ральф Сауер (Ralph D. Sawyer) и Меи-Чан Ли Сауер (Mei-Chun Lee Sawyer) переводят предложение в первой главе, об основных пяти качествах полководца в военное время следующим образом: «Полководец должен обладать мудростью, доверием, благожелательностью, храбростью и строгостью» [5, р. 167]. Это же предложение в 2002 г. было переведено Джоном Минфордом (John Minford) более поэтично:

«Полководец — это
Мудрость
Честность
Сострадание
Храбрость
Суrowость» [6, р. 4].

Этот пример наглядно демонстрирует, насколько сложно исследователям постичь истинный смысл работ великих древних философов и стратегов. В вышеприведенных цитатах одно древнее слово переведено двояко: Сауерами как «доверие» и Минфордом как «честность». Эти слова близкого значения, но обладают различным смыслом, особенно у стратегов. Доверие относится к тому, как люди воспринимают друг друга в контексте правдивости, которая является одним из ключевых правил и принципов для стратега. Честность демонстрирует такое внутреннее качество, как добродетель. Доверие сопутствует честности. Считать же эти два термина идентичными является ошибкой. Если стратег соглашается разработать, например стратегию производства оружия массового поражения, то результат этой работы должен заслуживать доверие профессионалов. С другой стороны, если стратегия противоречит моральным принципам стратега, то он не должен соглашаться разрабатывать такую стратегию. В случае, если он все же соглашается, он должен пренебречь моральными принципами и честно направить все свои усилия на разработку стратегии, вызывающей доверие заказчика. Вышеперечисленное — всего лишь несколько примеров ловушек, с которыми сталкиваются стратеги, изучающие древние тексты с целью их применения в современном понимании и использовании в теоретических исследованиях и на практике.

Тем не менее, эта цитата корреспондируется с тем, что известно, как пять ключевых добродетелей Конфуция: человечность (т. е. сострадание), мудрость и искренность (т. е. честность). Даже из этой короткой цитаты становится очевидным, что глубокие стратегические мысли включаются в те же категории, которые обеспечивают основы философских мыслительных процессов и глубокого понимания реальности. Еще более интересно отметить, что Аристотель (384–322 гг. до н. э.), живший около 150 лет после Сунь-Цзы и Конфуция в другой и далекой части света, и который, очевидно, ничего не слышал об этих гениальных китайцах, также использует аналогичные основные категории. Обладая различным опытом и практикой, все они определяют идеи, используя близкий категориальный аппарат. Этим троим гигантов объединяет отношение к их регионам, государствам и военным традициям. Многие мысли Аристотеля, признаваемые нами стратегическими, вероятнее всего происходят из процесса обучения Александра Македонского (356–323 гг. до н. э.) и анализа опыта одержанных им побед. Для сравнения, Сунь-Цзы анализировал свой личный опыт военного руководства. Конфуций, вероятнее всего, также анализировал законы и практики, распространенные в провинциях, в которых он жил. Конфуций, также занимавший различные должности в правительстве, жил в тот период, когда несколько династий находились одновременно в состоянии постоянной войны. Эти военные практики, скорее всего, влияли на его стратегический анализ. Безусловно, эти выдающиеся философы, а фактически являющиеся также и стратегами понимали сложную и важную взаимосвязь между этими двумя доменами мышления.

Вопреки тому, что большинство философов не формулируют ясных и специфических стратегических рекомендаций, изучение и выявление в их философских трактатах или трудах стратегических идей всегда обогащает практику стратегирования. Современные стратеги могут усовершенствовать свой опыт, экспертизу и деятельность через анализ работ и достижений древних и современных лидеров. Если практики стратегии, государственные деятели, военачальники и руководители бизнеса изучают опыт известных успешных военных, политических и деловых лидеров, то теоретики стратегии создают для них методологии, как в своих теоретических работах, так и в практических рекомендациях. В дополнение к упомянутому выше трактату «Искусство Войны» в переводе Сауеров и Джона Минфорда я изучал и русский перевод этой книги, выполненный академиком Российской академии наук Николаем Конрадом.

Конрад перевел название книги Сунь-Цзы как «Трактат о военном искусстве», ссылаясь на философскую суть работы. После прочтения всех трех этих переводов я пришел к выводу, что наибольшее практическое значение этой книги передает такое ее название: «Стратегия силы». В современном мире эта книга редко используется в военном деле, но высоко ценится и изучается в сфере бизнеса. Непрекращающийся интерес к работе Сунь-Цзы связан с ее практической ценностью не только в сфере бизнеса, но и для военных и государственных лидеров, заинтересованных в стратегическом успехе. Этот манускрипт полезен для любого человека, заинтересованного в выборе направления своего личного развития.

Такие гениальные лидеры, как Александр Великий и Наполеон, развивали свои выдающиеся способности в первую очередь на основе изучения теоретических работ или общения с выдающимися учителями. Их военный талант развивался в процессе прохождения длительного обучения. Отец Александра Великого, Филипп II Македонский, не мог найти более подходящего учителя для своего сына, чем величайший философ и мыслитель всех времен Аристотель. Наполеон часто и с восхищением вспоминал своих учителей в *Ecole Militaire* (Военная академия).

Продолжая изыскания и изучение эпистемологических корней стратегического мышления и аккуратность переводов научных трудов и трактатов с древних языков, полезно также обратиться к изучению соответствующих разделов и аспектов священных писаний. Даже наиболее часто читаемые в мире тексты, существенно имеющие отношение к обоснованию предмета стратегии, доступны через множественные переводы, в некоторых из которых при этом используется термин «стратегия», в других же — нет. Например, в Ветхом Завете, тексте, священном как для иудеев, так и для христиан, а также имеющем важное значение для мусульман, описываются проблемы стратегии. В 18-м псалме Второй книги царей, Изекиэль, легендарный царь Иудеи, посылает представителей к царю Ассирии с посланием, подчеркивающим его «стратегическое» преимущество. Ассирийский царь впечатлен и посылает своего полевого командира спросить: «Вы говорите, что обладаете стратегической и военной силой — но все это лишь пустые слова. На кого вы полагаетесь, восстав против меня?» (Вторая книга Царей, 18:20) [7].

Даже тогда сильные лидеры признавали равную важность военной силы и стратегии! Однако это предложение читается иначе в переводе XVII в., выполненного 47-ю переводчиками под патронажем короля Якова I Английского: «Ты сказал (но это пустые слова), что у тебя есть „совет“ и мощь для войны. Так кому ты доверяешь, что решил восстать против меня?» [8]. В одном переводе используется термин «стратегия», в другом — «совет». Тем не менее, можно сделать вывод, что, по крайней мере, в этом примере «совет» имеет значение стратегического совета. С другой стороны, у Изекиэля не было бы причины упоминать это рядом (и даже в соответствующем контексте, что более важно) с военной мощью. Современному читателю важно оценивать эти переводы наилучшим способом, уделяя особое внимание контексту, в котором используются соответствующие термины.

Говоря теоретически, Изекиэль был прав и аккуратен, помещая стратегию (или стратегический совет) перед прямой военной силой как более устрашающий аргумент. Подобным образом высказывается и Сунь-Цзы:

«Следовательно, высшее совершенство не в том, чтобы одержать сотню побед в ста сражениях; покорить армию врага без сражения — вот высшее искусство.

Таким образом, лучшая военная стратегия состоит в том, чтобы сначала атаковать планы врага, затем его союзников, а затем армию, а худшей стратегией является атака укрепленных городов врага» [5, p. 177].

Гай Юлий Цезарь (100–44 гг. до н. э.) высказывал идеи, подобные данному постулату Сунь-Цзы (согласно переводу Джона Картера (John Carter)) спустя почти 500 лет после гениального китайца, и вероятнее всего, не имея представления о работах Сунь-Цзы или словах Изекиэля¹: «Для генерала победа с помощью „стратегии“ не менее важна победы с помощью армии» [9, 1:72]. В 1869 г. У. А. Мак-Девитт (W. A. McDevitte) и У. С. Бон (W. S. Bohn) перевели ту же работу Юли Цезаря, однако использовали вместо термина «стратегия» термин «тактика». Термин «тактика» часто описывается как составная часть более значительного и объемного термина «стратегия» (однако стратегические и тактические решения по своей сути принципиально различаются и с точки зрения временного горизонта, и методологии мышления). Стратегия может направлять множество тактик, хотя это определение вновь становится недостаточно адекватным и непрактичным при использовании переводов древних текстов.

Литература/References

1. Aristotle (2001). *Basic Works of Aristotle*. R. McKeon (Ed.) and W.R. Roberts (Trans.). New York: Modern Library, p. 1371 b.
2. Kvint Vladimir (2016). *Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications*. New York, London: Routledge, 547 p.
3. Napoleon. (1987). *Military Maxims of Napoleon*. G. D' Aguilar (Trans.).
4. *Handbook of Reflection and Reflective Inquiry*. NY: Springer.
5. Sun-Tzu (1994). *The Art of War*. R.D. Sawyer and M.L.Sawyer (trans.). Boulder, CO: Westview Press.
6. Tzu, Sun (2002). *The Art of War*. J. Minford (Trans.). NY.
7. *New International Version* (2011). Grand Rapids, MI: Zondervan
8. *King James Version* (2007). Naples, FL: Trident Reference Publishing
9. Gains Julius Caesar (1998). *The Civil War*. (J. Carter, Trans.). New York, NY: Oxford University Press.

¹ Я не знаком с какими-либо историческими источниками, подтверждающими доступность Ветхого Завета (Торы) в переводе на латинский в период жизни Цезаря. Он, в принципе, мог бы читать это Священное писание на древнегреческом, однако никаких исторических подтверждений этому пока что не обнаружено.